

18 АВГ 1982

Литературная газета
г. Москва

Читатель понимает, конечно, что «беседа за рабочим столом» — сказано весьма условно, поскольку условно само понятие «рабочий стол» писателя. Его рабочее место — это может быть дорога, в другой раз — дом творчества, а кто-то предпочитает уединение и даже полное затворничество. Э. Межелайтис называет местечко Сантаака, где ему особенно хорошо пишется, своей «зеленой лабораторией». Вот уже несколько лет подолгу живет в Пярну Д. Самойлов. В этом небольшом и тихом городе, освещенном двойным светом неба и моря, где еще встретишь старинные постройки и остатки крепостных сооружений, в городе, где все сезоны по-своему хороши по признанию поэта, идеальные условия для размышления и творчества. Здесь написаны поэмы «Сон о Ганнибале» и комедия, которую зритель еще не знает, задумана драма — события XVIII века («он меня тянет, русский XVIII век, он очень интересен»), значительно дополнена «Книга о русской рифме»; здесь создавалась цикл «Пярнуские элегии», который вместе с другими лирическими стихами последних лет вошел в новую книгу «Залив». Почти одновременно с этой появилась еще одна книжка Д. Самойлова. В ней — стихи, написанные в разное время, но все они насыщены Эстонией, ее историей, людьми, ее природой, и называется она «Улица Тооминга». На этой улице и живет поэт.

В будущем году исполнится 25 лет, как увидела свет первая книга «Ближние страны», а если честно, что в нее вошли стихи, датированные 1938—1958 гг., то это 45-летие поэтической работы. Когда за плечами такой серьезный творческий путь, хочется узнать о его начале, об истоках — как случилось, что рука однажды потянулась к перу, «перо к бумаге»?.. Этот вопрос подсказывает и публикация в новой книге «Залив» юношеских стихов — «Плотники...», «Пастух в Чувашии» и др. Критики считают, что Д. Самойлов пришел в литературу «готовым». Публикация старых стихов с очевидностью подтверждает это. А что думает сам поэт и почему ранние стихи опубликованы именно теперь?

— В юности я не был уверен, что я поэт. Наоборот, для меня слово «поэт», понятие «поэт» было настолько высоким, что к себе я не решался его применить. А стихи стал писать рано. Могу прочитать первое, написанное в семь лет. Это был летний день, прекрасный день Подмосковья. Я проснулся и сочинил:

Осеню листья желтые
на землю начинают,
С шумом на землю
ложатся они,
Ветер их снова наверх
поднимает,
И кружит, как вьюгу,
в ненастные дни.

Я запомнил строфу и был, может, даже испуган, потому что понял: стихи я сам написал. Сейчас, разбирая стихотворение, могу сказать, что в нем есть все свойства — и недостатки, и достоинства моей поэзии. В те годы большое влияние на меня оказал не поэт, а исторический профакт В. Ян, автор известной книги о Чингисхане. Он был другом нашей семьи, и нельзя сказать, что с одобрением относился к моим поэтическим увлечениям, но он меня питал своей прозой. Он написал «Спартак», и я вслед за ним, по его книжке написал драму в стихах «Спартак». Потом поэму «Жакерия».

— Вот, оказывается, откуда ваша приверженность к исторической теме.

— Да... Но это были слабые, плохие вещи. А в 10-м классе неожиданно появились стихи, с которыми я пришел в ИФЛИ, и среди ифлиевцев довольно известными стали «Плотники...» их цитировали, потому что ритм захватывающий — «Плотники на плаху притутили топоры». В ощущении себя как поэта мне очень

Давид 2007

САМОЙЛОВ:

И ЭТО ВСЕ В МЕНЯ ЗАПАЛО...

БЕСЕДА
ЗА РАБОЧИМ
СТОЛОМ

помогли товарищи — Коган, Наровчатов, позже Слуцкий, Кульчицкий; собственно, уверенность в пути они мне внушили, а сам я не знал — откуда мог знать: поэт я или нет. Поздно начал печататься потому, что, когда вернулся с фронта, моим человеческим опытом была целая война, а это ускоряет развитие лет на двадцать, наверное, а опыт поэтический оставался прежним. Эти два опыта не совпадали.

Почему опубликовал сейчас ранние стихи? Когда через годы я их перечитал, то решил, что, в общем-то, всегда был одинаковый. То есть сейчас гораздо лучше могу написать стихотворение, чем в ту пору, но, вероятно, какой-то склад, что ли, образ мира у меня давно сложился. Я теперь стал печальным, так всегда бывает с возрастом, тогда был моложе, но видение, манера видеть все та же. Вот недавно я написал стихи (они напечатаны в «Незе»): «Моцарт в легком опьянении шел домой. Было дивное волнение, день шальной». И нетрудно заметить, что они родственные «Плотникам...», где эти стихи генетически связаны.

— И все же отчего ранние вещи не были включены в сборник «Ближние страны»?

— Каждое время имеет какие-то свои понятия. Тогда я должен был представить как поэт военного поколения. А эти стихи выглядели каким-то отдельным «столбом». Есть еще некий стереотип восприятия: «Вы, Самойлов, принадлежите к военному поколению, так извольте ему и соответствовать». Правда? В двух книгах я честно соответствовал. Кстати, свои лучшие стихи о войне написал уже после ее окончания — «Сороковые», «Старик Деревянин»...

— «До свидания, память, до свидания, война...» — сказано было в одном из предыдущих сборников, но «сороковые», «роковые» вторгаются и в семидесятые, и в восемидесятые. И в новой книге появляются строки о товарище предвоенных лет Ильюше Лапшине — «Памяти юноши», стихи «Часовой», «Звезда», «Мы забыли, но не про забыли», пронзительные «Берлин в просветах»...

— Война всегда во мне. Она важна не только как воспоминание о трагических, героических днях, но и как определенное нравственное мерило. Человек, который однажды пошел в атаку, для меня особый, достойный человек, потому что он сделал то, что всего труднее, — встать и, может быть, погибнуть, но встать, и для меня в этом высокий нравственный уровень нашего военного поколения.

О человеке на войне написаны сильные книги. Из лучших произведений последних лет выделяю прозу В. Кондратьева, который удивительно верен своей теме. Кондратьев

года моя знакомая вышла замуж за человека, который на следующий день должен был уехать на фронт. Они решили провести свою первую ночь за городом. Ночью фашистские самолеты, стремившиеся к Москве, сбросили бомбы, не долетев до города. И одна угодила в их прибежище. Они погибли. И вот жестокость войны к любви стала темой стихотворения «Солдат и Марта» — «Любимая, не говори...». Или в стихотворении «Пестель, поэт и Анна» — «Там Анна пела с самого утра...» — кажется, что она придумана. На самом деле Анна была, реальная Анна, но в другом времени. А я ее «приписал» к Пушкину. Я иногда смею, совмещаю времена. Странность поэзии в том, что мы, стихотворцы, обманщики...

— Да, ваша поэзия, являя непринужденность характера автора (отчего и интонация — свободная стихия, ненатужная, своя, самойловская, завораживающая равноденствием, равновесием высокого и обычного), всегда отличалась игрой. Не улада, не развлечение, а игра — театр: трагедия, драма и, конечно, комедия — ироническое начало тут очень сильно. Стихи в новой книге «Игра в слова — опасная забава...» и «Я сделал вновь поэзию игрой в своем кругу. Веселой и серьезной игрой...», на первый взгляд взаимоисключающие друг друга, вовсе не таят противоречия по отношению к творчеству их автора: «игра в слова» имеет полновесное обещание:

... с налету, не сдуру.
Не с маху и не на фуфу,
А трижды сквозь
душу и шкуру
Протаскивать будем строфу.

— Известный венгерский поэт Миклош Раднати умер вовсе не так, как об этом говорится в моей «Фантазии». Я все придумал. И знаете, почему? Могу сказать: потому что я люблю цыган и сам хотел бы умереть, как старый Миклош, в цыганской фуре, и это трансформировалось в такой сюжет. Поняли? Конечно, я человек причудливый...

Мотив смерти давно звучит в творчестве Д. Самойлова. Вспомним хотя бы «Смерть Цыганова». Бренность бытия не дает на душу, волнует не тайна смерти — тайна жизни. А смерть как конечное важное слагаемое в сложной формуле жизни, и встретить ее надо достойно — «Надо готовиться к смерти так, как готовятся к жизни...». В стихах поэта тема смерти, как это ни покажется парадоксальным, еще раз является жизнелюбие, приятие жизни, распахнутость всем земным благам. Многие умеют грустить, горевать, тосковать, но не многие обладают способностью щедро радоваться жизни, ее самым обыкновенным проявлениям.

Слава богу! Слава богу!
Что я знал беду и тревогу!
Слава богу, слава богу —
Было круто, а не отлого!
Эти строки из «Второго перевала» созвучны по миросозерцанию когановским: «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал!». Это приятие «кругового», жажды высокого, неуспокоенности — во многих стихах прошлых лет. Хотя поэт сам говорит, что стал печальнее (и верно, гру

стью — груз прожитого и пережитого — окрашены многие строки нового сборника, обязанные своим рождением воспоминаниям), но в нем все то же оптимистическое начало поэтической натуры. Не высокопарное бодречество, а мудрость, философичность возрасты, времена, когда «слово проще, дело проще, смысл творенья все сложней». И, может быть, именно годы делают это приятие жизни, ощущение единства каждого ее мига еще более острым, и еще эмоциональнее оно всплывает в стихах:

Что за радость!

Звуки шторма
Возле самого окна.
Ночь безумна и просторна,
Непонятна и черна...
Что за радость! Неподобны!
Жизнь на гранях дня и тьмы,
Где-то около природы,
Где-то около судьбы.

Драматизм жизни, чувства, переживаний — внутренний двигатель стиха. Недаром, обаянья название сборника, связанное с тем, что последние годы проходят на берегу Пярнуского залива, поэт подчеркивает: «Залив этот — не завод, а часть моря, морские бури и ветры шумят в нем, он отражает судьбу моря, как отдельная жизнь отражает судьбу времени».

— У вас всегда были стихи о творчестве, о тайнах ремесла, о своей мастерской. В «Заливе» их, пожалуй, больше, чем в прежних книгах. Видимо, обилие полемических статей, дискуссий вызывает желание высказать свое понимание, объясняться с молодыми коллегами — «Учитель и ученик».

— У многих поэтов есть стихи о стихах, почти у всех. Я не раз давал себе зарок не писать об этом, но, сами видите, не получается: вдруг возникает «толчок» — и пишешь...

В диалоге «Учитель и ученик» мне не хотелось прямой полемики, не хотелось упрекать молодых, что они «пороха не нюхали». Мне хотелось спорить с мнением, что надо смотреть назад. Да, надо. Поэтому что опыт истории, опыт науки, опыт культуры — необычайно важные вещи, и я из тех поэтов, кто все время за это держится. И вместе с тем я считаю, что ни в чем нельзя перебарщивать:

Природа мысли такова,
мой друг
Что доведи любую
до конца —
И вдруг паленый волосом
запахнет...

Молодым больше, чем нам, свойственна категоричность, умерить эту страсть я и надеялся...

«Улица Тооминга» Д. Самойлова содержит стихи об Эстонии и переводы с эстонского, и вместе с другой, вышедшей в Вильнюсе книжкой «Гень солица» (поэты Литвы в переводах Д. Самойлова) они — свидетельство прочной привязанности поэта к Прибалтике, привязанности душевной и творческой.

— Ваш совет молодому переводчику?

— Он должен, во-первых, уважать поэта, которого переводит, поэзию, которую представляет иноязычному читателю, русскую поэзию, которая дала ему средства переводить. И понимать, что переводить... нельзя. Можно только воссоздавать. А если молодой стихотворец думает, что он лучше владеет стихом, чем автор оригинала, из него никогда ничего не выйдет. Скромность — вот главный совет.

— В «Заливе» есть такое стихотворение-признание: Мы те же, что и в детстве нашем. Мы лишь живем.

И только тем
Кору грубою раним.
Живем взахлеб,
живем вовсю.
Не зная, где поставим точку.
И все хоронимся в свою
Бегущую оболочку.

Это стихотворение, думается, можно поставить эпиграфом к той «большой повести поколения», которая пишется вами.

— Пожалуй, верно. Потому что именно так я и привык жить.

Беседу вела
Ирина РИШИНА